

Александр Снегирёв

Русская женщина

*Часть сборника
Как же её звали?.. (сборник)*

Александр Снегирёв

Русская женщина

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Снегирёв А.

Русская женщина / А. Снегирёв — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-457-92301-0

«— Что пишешь? — спросила жена. — Рассказ про русскую женщину. — То есть про меня? — Пока думаю. — А чего думать, ты разве знаешь хоть одну русскую женщину, кроме меня? Я взвесил этот неожиданный тезис и тотчас пришел к выводу, что в словах жены содержится суцкая правда, кроме нее, я не знаю ни одной русской женщины. Ну, то есть кто-то на ум приходит из далекого прошлого, но воспоминания туманны...»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-457-92301-0

© Снегирёв А., 2015
© Эксмо, 2015

Александр Снегирёв

Русская женщина

© Снегирёв А., текст, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

– Что пишешь? – спросила жена.

– Рассказ про русскую женщину.

– То есть про меня?

– Пока думаю.

– А чего думать, ты разве знаешь хоть одну русскую женщину, кроме меня?

Я взвесил этот неожиданный тезис и тотчас пришел к выводу, что в словах жены содержится сушая правда, кроме нее, я не знаю ни одной русской женщины. Ну, то есть кто-то на ум приходит из далекого прошлого, но воспоминания туманны.

– Редакторам не национальность важна, а принадлежность к России, – сказал я, тотчас уловив в своих словах какую-то смутную, но существенную ложь. – Они хотят рассказ про местных женщин. Хоть черная, хоть узкоглазая, главное, что зарегистрирована в России и считает Россию своей родиной. Да и где теперь русских найдешь, только ты одна и осталась.

– Тогда надо называть не «русская женщина», а «российская», иначе нечестно.

– «Российская» не звучит.

Мы задумались. Мысли жены угадывать не берусь, я же чувствовал досаду и вину за то, что не пишу, такой-сякой, о своей любимой и единственной, а думаю о каких-то шалавах, которые даже не русские вовсе.

– Ты не пишешь обо мне, потому что не видишь всех моих достоинств, – нарушила тишину жена.

Она успела надуться. Люди обижаются по-разному: одни выпячивают губу, другие поджимают, у третьих полыхают огнем глаза, а у четвертых глаза затопляются столь быстро и обильно, что никакой огонь в такой влажности невозможен. А моя жена имеет манеру надуваться. То есть натурально делается круглее и вся разбухает.

– Да вижу я все твои достоинства, – возразил я и тоже загрустил.

Жена тем временем не пожелала меня слушать. Если уж она начала, то, изволь, жди, когда закончит. А она еще не закончила.

– Я идеальная мать, идеальная супруга, идеальная любовница... – перечисляла она.

– Не спорю, – понуро согласился я. Спорить и вправду тут было не с чем. Некоторые нюансы, конечно, имеются. Ремарки, уточнения из тех, что в договорах на получение кредита в конце мелким шрифтом не меньше страницы занимают, но на то они и ремарки.

– А еще я идеальный бизнесмен! – подвела жена триумфальную черту. – Такие, как я, тащат на себе всех вас, русских писателей, всю вашу русскую литературу!

– В том-то и дело, что ты совершенно идеальна, – миролюбиво пояснил я. – А для рассказа нужен конфликт, желательно внутренний.

– Тебе со мной не хватает конфликта?

– Не хватает, – ответил я с задиристостью домашнего тихони, отчаянно дерзющего дворовой шпане. – Еврейки, кавказки, азиатки мстят, скандалят, лезвия, суицид, а русские тихо терпят.

– Конфликта ему мало, – повторила жена с задумчивостью человека, принявшего страшное решение.

– Для рассказа мало, а для жизни в самый раз.

Но было поздно.

– Я тебе устрою внутренний конфликт, – сказала жена тем тихим голосом, который предвещал неотвратимую кару. – Напиши, что у тебя нет денег, что ты просишь у меня пятьсот рублей, когда идешь пить пиво.

– В моей семье такая традиция – деньги хранятся у женщин.

– Не важно. Это и есть внутренний конфликт, ведь унижительно, что у тебя нет денег, нет машины, ты никогда не сможешь подарить мне бриллиантовые серьги!

Я вздохнул. Были в наших отношениях бриллиантовые серьги, пусть некрупные, да и бриллианты так, осколки, но все же натуральные. Я не стал спорить, выразив лицом эмоциональную гамму, вмещающую все от «вроде согласен» до «категорически против».

Мною в последнее время овладел какой-то скептицизм обреченного. Писательство совсем меня довело, сочинения мои публикуют неохотно, премиями обносят. За полчаса до этого разговора, возвращаясь домой, я услышал пение соловья и не поверил. Ну какие соловьи в центре города! Наверняка колонки в ветвях припрятали, чтобы звуки природы имитировать. Собянинские штучки. Короче, сплошное разочарование. Я решил встретить аргументы жены молчанием. Как мудрец. Тем временем она израсходовала запас злости, перевела дух и сжалилась.

– Я тебя понимаю, ты красивый мужчина и не любишь работать.

Я согласился. Трудолюбие и вправду мне не свойственно, а утверждение о моей внешней привлекательности не вызвало во мне протеста.

– Так о чем ты собираешься писать? – спросила наконец жена.

У меня зачесалась моя красивая голова, и я почесал. Зачесался красивый нос, я и нос почесал. После всех почесываний я вздохнул и решил рассказать жене одну историю.

Был я в те времена еще юн. Уже не так юн, как бывает в юности, но тем не менее настолько беззаботен и отчасти свеж, что юность вполне можно было приписать мне как неотъемлемое свойство. Годов мне тогда было, кажется, двадцать шесть, в периоды осеннего и весеннего призывов я по привычке избегал проживания по месту постоянной регистрации, хотя представители министерства обороны мною уже несколько лет не интересовались. Я расходовал ночи на дискотеки, а дни на сон и прогулки. Я ел еду, глотал жидкости и заполучал необходимые участки женских тел, когда испытывал необходимость. В те времена я был хорош собой настолько, чтобы не задумываться ни об утекающей жизни, ни о заработке. Женщины уделяли мне внимание совершенно бесплатно, не требуя букетов и угощения. Следует признать, что сложившийся в отечестве мужской дефицит превращает любого, даже самого негодного гендерного моего собрата в вожделенный плод. Так что мои достоинства относительны, как и законы Ньютона, сверкают в родной местности и блекнут в иных, более изобильных мужской привлекательностью краях. Что касается амбиций, то они у меня в те времена, возможно, имелись, но знать о себе не давали, родители из дома не гнали, а случайных заработков хватало на одежду. Короче говоря, у меня попросту отсутствовала необходимость трудиться, ведь большинство мужчин делают это, чтобы завоевать чье-то сердце, а чаще тело, передо мною же этих задач не стояло.

Жизнь шла; убаюкиваемый собственной нетребовательностью, я, что называется, деградировал. Одним светлым сентябрьским днем, когда я качался на качелях в рыжеющих кущах нашего громадного двора, ко мне подошел приятель, он был в мотоциклетном шлеме. Ко дню нашей тогдашней встречи приятель уже некоторое время этот шлем не снимал, мотоллер разбился, а привычка к безопасности еще не успела выветриться. Недавно его притер троллейбус, и он неделю провалялся в отключке, а потом рассказывал про светлый тоннель

и белобородого дедушку, который звал за собой. Хирург, когда выписывал, сказал, мол, правильно сделал, что не пошел за дедушкой. Приятель попросил уступить качели и, раскачиваясь, сообщил, что продолжает посещение районной больницы, хотя его уже выписали. Секрет заключался в том, что, называя вахтеру фамилию доктора, к которому он якобы записан, приятель проникал на территорию лечебного заведения, где мог всласть лакомиться едой в столовой и заводить шашни с дамочками из персонала. Поварихи наваливали пюре и мясо под честное слово, не требуя никаких доказательств недуга, а медсестрам и стажеркам требовалось только одно, совершенно иное доказательство, которое приятель, запираясь с ними в подсобках и ординаторских, к обоюдному удовольствию, и предъявлял. Я заинтересовался.

Следующий визит в медицинский бастион мы нанесли вместе. Ради такого случая он оставил мотоциклетный шлем на прикроватной тумбочке, а я зачем-то заклеил пластырем палец. По коридорам шаркали старики и старухи, медсестры надевали халатики явно прямо на белье, а то и на голое тело, тарелки в столовой наполняли с горкой. Мне понравилось. Только концентрированный запах людей немного отвращал.

После второго моего больничного обеда, который я проглотил уже без мотошлемного напарника, я собирался подойти поближе к молоденькой докторессе и очаровать ее чем-то вроде просьбы послушать, как бьется мое сердце, но путь преградила койка на колесиках. На койке перевозили старушечью голову в редких перышках. Голова лежала на подушке, и только очень внимательный взгляд смог бы распознать в складках одеяла черты иссохшего, почти растворившегося тела.

– Помоги, чего стоишь, –дохнула куревом толстуха, катившая койку. Я принялся вместе с нею направлять виляющее ложе, одновременно придерживая никелированную вешалку с пузырем капельницы.

Когда мы доставили голову в палату, где маялись еще шесть таких же, толстуха поручила мне стопку стиранных полотенец, которые требовалось отнести в соседнее помещение, а затем дала ведро и тряпку, указав на пыльные плафоны в коридоре. Беспрекословно, отчасти из любопытства, отчасти из какой-то загипнотизированности я выполнял все указания, слегка, впрочем, удивляясь тому обороту, который столь быстро приняли мои больничные вылазки. Весь день напролет я совершал санитарно-гигиенические работы, закончив только к позднему вечеру. Видела бы меня мать, никогда бы не поверила, что ее сын такой чистюля.

Напоследок толстуха выдала мне бутерброд и шоколадку из провианта, полагающегося добровольцам. Так и выяснилось, что она приняла меня за одного из праведников, которые по собственному желанию, совершенно бесплатно навещают в больницу, чтобы оказывать посильную помощь. Выкурив по сигарете на лестнице, тогда курение в интерьерах еще дозволялось, толстуха на прощание спросила, когда я смогу прийти снова. И я ответил, хоть завтра.

Так я начал предоставлять отечественной медицине добрые услуги: сортировал книги в библиотеке, менял воду в аквариуме с двумя едва подвижными меченосцами, мыл линолеум, скреб кафель, оттирал металл. Если официант наблюдает множество людей жующих, то я наблюдал людей умирающих, и моя нервная система обнаружила себя весьма крепкой. Я видел адмиралов и контрадмиралов, серых от рака, как северная волна. Я видел некогда знаменитых актрис, которые не могли встать с горшка и звали на помощь. Пару раз, помогая пациентам, я чуть не опередил предначертанную диагнозом смерть: катил кресло с одним старичком и, зазевавшись, едва не снес бедняге седую голову торчащим из стены водопроводным краном, а протирая бра, опрокинул капельницу, присоединенную к старушке с закрытыми глазами и разинутой пастью. Однажды та самая сочная толстуха, которая вовлекла меня в больничные помощники, переходила улицу в неположенном месте и угодила под «Лендкрузер» юбилейной серии, и весь человеческий мусор нашего этажа, все при-

творяющиеся живыми, едва шевелящиеся мертвецы, оплакивали ее своими состоящими сплошь из физраствора и медикаментов слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.